

13. *Никольский А. Е.* Новые духовные законы. Полное руководство в 3-х частях / А. Е. Никольский. – М., 1879. – 564 с.
14. *Освальт Ю.* Духовенство и реформа приходской жизни. 1861-1865 / Ю. Освальт // Вопросы истории, 1993, №11-12. С. 140-149.
15. *Папков А.* Упадок православного прихода / А. Папков. – М., 1899. – 160 с.
16. *Пономарев О.* По вопросу о средствах содержания сельского духовенства / О. Пономарев // Руководство для сельских пастырей. – 1861. – № 39. – С. 451 – 466.
17. *Предтеченский А. И.* Русское православное духовенство, обвинения против него и его цивилизаторская деятельность: Современные заметки / А. И. Предтеченский // Христианское чтение. – 1862. – Февраль. – С. 640 – 651.
18. *Прокофьев А. А.* Приходская реформа 1864 года и ее влияние на самосознание приходского духовенства: Автореф. дис. канд. ист. наук / А. А. Прокофьев. – М., 2010. – 27 с.
19. *Римский С. В.* Церковная реформа Александра II – С. В. Римский // Вопросы истории. – 1996. – №4. – С. 32 – 48.
20. *Ростиславов Д. И.* О православном белом и черном духовенстве в России. В 2 т. / Д. И. Ростиславов – Лейпциг, 1866. – Т. 1. – 364 с.; Т. 2. – 673 с.
21. *Симина В. А.* К истории сословной политики самодержавия в 60-е гг. XIX в. (Изменение законодательства о духовном сословии) / В. А. Симина // Вестник ЛГУ. Серия «История, язык, литература», 1982. – Вып. 3. – № 14. – С. 124–127;
22. *Скутнев А. В.* Приходское духовенство в условиях кризиса Русской православной церкви во второй половине XIX в. – 1917 г.: Автореф. дис. канд. ист. наук / А. В. Скутнев. – Киров, 2005. – 271 с.
23. *Устав духовных консисторий.* – СПб., 1841. – 134 с.
24. *Фриз Г.* Менталитет приходского священника: «Мнения» об улучшении быта духовенства 1863 г. (Владимирская епархия) / Г. Фриз // Провинциальное духовенство дореволюционной России. – Вып. 3. – Тверь, 2008. – С. 140-149.
25. *Чижевский И. Л.* Еще несколько мыслей к вопросу об улучшении быта русского православного духовенства / И. Л. Чижевский. – Х.: Типография университета, 1863. – 33 с.
26. *Юдин В.* История Русской церкви в синодальный период / В. Юдин. – Сергиев Посад, 2006. – 113 с.
27. *Freeze G. L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform / G. L. Freeze. – Princeton, 1983. – 412 p.

УДК 94(477.54+470.325) «166/168»

Среднее Поосколье в оборонительной системе Российского государства на южном порубежье в 60-80-е гг. XVII века

Кушнарев Сергей

Кушнарёв Сергій. Середнє Пооскілля в оборонній системі Російської держави на південному порубіжжі в 60-80-і рр. XVII століття. В статті розглядається історія колонізації окремо взятого регіону південного порубіжжя Російської держави в 60-80-і рр. XVII століття. Завдяки залученню архівних матеріалів автор доповнює новими фактами історію досліджуваного регіону і приходить до висновку, що головна роль у заселенні території, контрольованої військовими силами Валуйської фортеці, належала валуйським служилим людям і черкасам південноруських повітів.

Ключові слова: колонізація, Пооскілля, слобода, південне порубіжжя.

Кушнарев Сергей. Среднее Поосколье в оборонительной системе Российского государства на южном порубежье в 60-80-е гг. XVII века. В статье рассматривается история колонизации отдельно взятого региона южного порубежья Российского государства в 60-80-е гг. XVII века. Благодаря привлечению архивных материалов автор дополняет событийную составляющую истории исследуемого региона и приходит к выводу, что основная роль в заселении территории, контролируемой военными силами Валуйской крепости, принадлежала валуйским служилым людям и черкасам южнорусских уездов.

Ключевые слова: колонизация, Поосколье, слобода, южное порубежье.

Kushnarev Sergey. Middle Oskol in defence system of Russian State at south frontier in 1660-1680th. The article reviews the history of colonization of individual region of South Frontier of Russian State in 1660-1680th. Thanks to using the archive materials author supplements event-driven component of the history of researching region and draws conclusion that the principal role of the settling the territory which was controlled by forces of Valuyka fortress belonged to Valuyka «serving people» and Cherkassy of South Russian counties.

Key words: colonization, Oskol, sloboda, southern borders.

Мероприятия по укреплению, заселению и защите границ от внешних врагов являются одной из ключевых функций государства. Именно поэтому изучение истории оборонительной системы Российского государства длительное время

привлекало к себе исследователей. Особенно актуальны данные вопросы касательно изучения истории 60-80-х гг. XVII века, когда московское правительство, создав в середине века Белгородскую черту и, тем самым, обезопасив центральные регионы от постоянных татарских набегов, продолжило активную политику колонизации и обороны южных регионов, приступило к созданию новой оборонительной черты – Изюмской. Конкретное изучение истории заселения и хозяйственного освоения каждой территориальной единицы позволяет всесторонне изучить сложный и многогранный процесс колонизации южного порубежья Российского государства. Территория Среднего Поосколья, имеющая в силу своего географического положения специфические черты процесса заселения, в украинской историографии не становилась объектом специального изучения. Отдельные вопросы неоднократно затрагивались исследователями, однако их освещение не позволяет воссоздать целостную картину заселения и обороны края.

Целью данной статьи является попытка комплексного рассмотрения и обобщения состояния оборонительных сооружений Среднего Поосколья во второй половине XVII века, правительственных мероприятий по заселению южного порубежья, а также уточнение особенностей, времени и обстоятельств строительства и заселения городков и слобод по реке Оскол в обозначенный период.

Основными источниками для написания настоящей работы послужили материалы столбцов и книг Белгородского стола, хранящихся в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов [30]. Наиболее информативные источники – росписные списки и сметные книги городов. Они содержат описание городских и пригородных оборонительных сооружений, время и обстоятельства заселения того или иного населенного пункта, полный перечень служилого населения города и т.д. В целом источниковая база по данной проблеме является достаточно полной, что дает возможность рассмотреть практически весь комплекс вопросов по истории заселения территории Поосколья в границах военного влияния Валуйской крепости во второй половине XVII века, а также состояние оборонительных сооружений по реке Оскол на момент возведения Новой (Изюмской) оборонительной черты.

Особое место в оборонительной системе Российского государства на южном порубежье в обозначенное время занимала Валуйская крепость. Основанная в 1599 году «на реке Осколе усть-реки Валуй», она явила собой пример государственной колонизации и целенаправленной оборонительной политики России на южных рубежах. Однако, несмотря на наличие значительной историографии, посвященной общим проблемам вхождения южных регионов в состав Российского государства, обороне территорий от татарских и черкасских набегов,

хозяйственного развития края [2; 4; 5; 8; 9; 29], следует признать, что процесс становления и функционирования системы обороны на различных стратегических направлениях рассмотрен крайне неравномерно. Это же можно сказать и о роли Валуйской крепости в процессе заселения и обороны Среднего Поосколья. Ключевую роль сыграла крепость в строительстве городков и слобод на территории, которая в XVII веке контролировалась военными силами крепости и позднее частично вошла в состав Валуйского уезда. Также значительный интерес вызывает история возникновения и заселения во второй половине XVII века стоялых острогов и слобод южнее Валук по течению реки Оскола, которые вошли в систему оборонительных сооружений будущей Изюмской засечной черты. В настоящее время нам не известно сколь-нибудь существенного исследования по данной теме, хотя ее отдельные элементы неоднократно затрагивались во многих, в том числе и фундаментальных, работах.

Представление о состоянии валуйских городских и полевых оборонительных сооружений в изучаемый период дает росписной список 1679/1680 г. [11, лл. 310а-370об.] Валуйка, расположенная на горе возле реки Валуй, представляла собой земляной город, «ослоненный по обе стороны дубовым лесом». Поверх стен были устроены обламы, а сверху на них положены катки. В городе было две проездные, восемь «глухих» и наугольная башня с калиткой в сторону Казачьей слободы. Глухие башни – рублены из дубовых бревен в шесть стен и покрыты тесовыми шатрами. Город окружал ров и наставленный частик [57, с. 945]. Различные типы укреплений были построены в соответствии с особенностями ландшафта местности, наличия строительного материала. Деревянные и земляные укрепления города практически ничем не отличались от аналогичных сооружений в других городах того же времени.

Интересным, в данном случае, является изучение системы полевых оборонительных сооружений, так как впоследствии они стали частью Изюмской оборонительной черты [4, с. 188]. Так, на Московской дороге, в 7 верстах от города и дальше ко Второму Березовому Сазону, от Валуйского Большого леса были поставлены деревянные укрепления протяженностью 683 м, в том числе надолбы и одна четырехстенная башня с проездными воротами. Далее надолбы в четыре ряда с наметами тянулись на 3255 м и завершались еще одной проездной башней. От этой башни до Оскольского займища и до Мухина озера укрепления имелись на протяжении более 1260 м. Три ряда надолб с наметами, протяженностью 1982 м, находились за рекой Оскол от Праворотского леса до речки Казинки [11, л. 353].

Отдельный интерес представляет так называемый «Разменный городок», располагавшийся в устье реки Ураевой и предназначавшийся

для проведения посольских размен, проходивших в городе ежегодно. Городок был укреплен земляным валом, рвом и двойными надолбами с наметами, а также имел артиллерию [11, лл. 353-353об.]. Для его охраны в летнее время из других городов присылались стрельцы и казаки, численность которых доходила до 1500 человек. Например, в отписке Федора Шереметьева и Андрея Хилкова на царскую грамоту по поводу проведения очередной посольской размены в 1638 году и назначения на нее служилых людей сказано, что на Валуйку отправлено 390 человек. В том числе из Мценска – 50 детей боярских, из Черни – 40 детей боярских и 30 конных казаков, из Ливен – 40 детей боярских и 50 конных казаков, с Ельца – 50 детей боярских и 50 конных казаков, с Лебедяни – 10 детей боярских, с Епифани – 20 детей боярских, из Оскола – 50 конных казаков [25, л. 107]. В это же время из Валуйки в Разменном городке в это время проживало 120 казаков и стрельцов [25, л. 108].

Росписной список 1680/1681 года отмечает, что с ногайской стороны реки Валуга, возле Черкасской слободы, были построены деревянные укрепления общей длиной 1859 м, а от Царегородской (Панской) слободы до Валуйского леса надолбы в два ряда с поперечными и косыми дубовыми переметами, протяженностью 1050 м [7, с. 950]. В росписном списке 1679/1680 года эти укрепления не описаны. Это позволяет сделать предположение, что упоминаемые укрепления Черкасской и Царегородской слобод либо возведены в 1680-1681 годах, либо основательно отремонтированы в это же время.

Всего полевых крепостей около города насчитывалось около 19 км. В карауле по башням круглый год, переменяясь каждые двое суток, находилось по 10 человек конных стрельцов и полковых казаков. Таким образом, валуйские полевые укрепления вместе с городскими оборонительными сооружениями представляли собой практически непрерывную засечную черту, частично преградившую Калмиусскую и Муравскую сакмы. Однако, несмотря на это, татарские приходы были для жителей города обычным делом.

В течении изучаемого периода оборона южного порубежья практически полностью ложилась на плечи гарнизонов «полевых» городов и на жителей окрестных слобод. О численности всего населения Валуйки в данный период судить трудно. Более точно можно установить численный состав служилых людей и их семей. В 1679 году в Валуйках значится стрелецкий и казачий головы, 181 человек станичных атаманов и ездовых, 77 конных и 47 пеших стрельцов, 176 казаков, 26 пушкарей, 42 затинщика, 1 казенный кузнец, 20 ямщиков и 43 человека черкас [11, л. 353]. Всего служилых и приказных людей в городе вместе с семьями в 1679 году насчитывалось 1370 человек.

Особенностью состава служилых людей Валуйки являлось наличие конных стрельцов, устроенных в 1625 году воеводой Никитою Паниным

на основании государевой грамоты и выписи Василия Сараева [8, с. 87], а также отсутствие детей боярских, занимавших в Российском государстве низшую ступень в лестнице чинов служилых людей «по отечеству». Отсутствие последних было связано с тем, что вокруг города первоначально не сложился уезд. Это было связано с постоянной угрозой татарских набегов. Население крепости обрабатывало в основном ближние земли и селилось в пригородных слободах, в то время как на дальних полях имелись только стоялые острожки для укрытия от татарских отрядов во время полевых работ. Интересно, что в источниках дается следующая формулировка: «а на Волуйке вместо детей боярских станичников 48 человек» [21, л. 8; 12, л. 462]. На особое положение станичников указывает и размер жалованья. Атаманы валуйских станиц, набранные из валуйских стрельцов, казаков и даже гулящих людей, получали деньги на одном уровне с белгородскими и оскольскими детьми боярскими [24, лл. 322-323]. Земельные наделы станичников также были больше чем у остальных категорий служилых людей крепости. Например, станичный атаман имел 43 четверти пашенной земли, в то время как конный казак только 15,7, конный стрелец – 11,5, а пеший стрелец – 8,2 четверти [8, с. 85]. Наделы станичников находились дальше от города, на лучших землях, что подтверждается картой пригородных укреплений и земельных наделов 1687 года [17, лл. 161-163]. Примечательно, что данная карта составлена на основании земельных раздач по валуйской писцовой книге 1626 года Мирона Хлопова и подьячего Леонтия Недовескова с поздними незначительными уточнениями. Это еще раз подтверждает тот факт, что вокруг этого пограничного города не сложилось полноценного уезда вплоть до конца XVII века. Как самостоятельные податные единицы Валуйка, пригородные слободы и существовавшие на то время села на территории Среднего Поосколья в XVII веке не описывались и по переписи 1677/1678 года были отнесены к Новооскольскому уезду [6, с. 28]. Валуйский росписной список 1679/1680 года называет только одно село в уезде – Лубени (вероятнее всего современное село Средние Лубянки Волоконовского района Белгородской области). В нем проживало 20 семей (38 мужчин) [11, л. 360]. Анализ фамилий лубенских жителей позволяет сделать вывод, что в Валуйках они появились не раньше последней трети XVII века. Большинство из них являлись казаками и солдатами полковой службы [19, лл. 313-376; 20, лл. 159-165]. Только один из жителей села Лубени, Антон Осипов Шеховцов, был черкашенином и служил станичную службу в Валуйках в последние десятилетия XVII века [18, л. 199].

В 1687 году на правом берегу реки Оскол, в шести верстах от города, находились две деревни Валуйского Успенского Николопристанского монастыря – Симоновка и Яблонова [17, лл. 161-163]. Эти земли, между

рекой Осколом и речкой Сухой Казинкой, отведены правительством монастырю в 1626 году [8, с. 92-93]. О времени основания деревни Симоновки говорить трудно, в то время как монастырские яблоневые крестьяне упоминались в отписке валуйского воеводы Никиты Александровича Чоглокова в 1631 году [22, л. 107]. В 1635 году во владениях монастыря в пяти верстах от города значится одна деревня, к тому времени разоренная татарами [23, л. 465]. По всей видимости, речь идет о деревне Яблоневой.

Территория Среднего Поосколья, от Валук ниже по течению Оскола, долгое время не заселялась. Постоянные татарские и черкасские набеги являлись одним из основных препятствий на пути колонизационных потоков из России и территории современной Украины. Во второй половине XVII века правительство неоднократно проводило географические описания реки Оскол и его притоков с целью выявления бродов, татарских перелазов и удобных мест для основания городков и стоялых острожков. В «Росписи оскольским перелазам и бродам», составленной валуйским воеводой Елисеем Зиновьевым в 1676 году, южнее Валук на Осколе отмечены Лысые горы, под которыми находился первый татарский перелаз [27, лл. 460-461]. В. П. Загоровский отмечает, что под Лысыми горами острогожские черкасы в 1680 году сделали деревянные укрепления, однако в росписном списке укреплений 1683 года о них ничего не сказано.

Описывая Топольской перелаз, находившийся южнее Лысых гор, Е. Зиновьев отмечал, что в этом месте берега Оскола свободны от леса. С крымской стороны реки – горы, а между ними Вешен лог, выше которого начинался лес и «курдашки по горам» [27, л. 462]. Возле этих «курдашков» во многих местах пробиты сакмы «в Русь». Ногайская сторона реки представляла собой степь, поросшую березовыми кустами [27, л. 462].

Ниже Топольских перелазов на левом берегу речки Каменки находился Каменский перелаз. С крымской стороны Оскола Е. Зиновьев отметил меловые горы, лога и небольшие лески, а с ногайской – степь и заросли лозняка [27, л. 462]. В «Экстракте о слободских полках» 1734 года датой основания Каменского городка на этом месте назван 1675 год [1, с. 148]. Однако упомянутая роспись Е. Зиновьева никаких укреплений в это время на Каменском перелазе не отмечает. Основание Каменского городка можно отнести к 1679 году [4, с. 186]. В. П. Загоровский осадчим городка называет Ивана Данилова [4, с. 186]. Острог был построен из «разного лесу», имел одни проезжие ворота, калитку к реке и проезжую башню, которая не имела верха [1, с. 126]. Никаких дополнительных оборонительных сооружений в остроге предусмотрено не было: «тарасов и кроватей и обламов и котков и рву нет». Не было в Каменском городке ни колодца, ни тайного выхода к реке на случай

осады [1, с. 126]. В 1683 году в Каменской слободе находилось 32 человека [1, с. 126].

Ниже по течению Оскола в устье речки Двуречной, напротив большого леса, «осажена» Двуречная слобода. Ее основание связано с именем новооскольского [10, л. 50б] «черкашенина старого выезда» Василия Бакарино, который в 1667 году в своем письме в Белгород к боярину Борису Александровичу Репнину просил разрешения поселиться между реками Осколом и Двуречными с татарской стороны и «построить город и осадить слободы дворов с 1000» [26, л. 661]. На следующий год В. Бакаринский в своей челобитной просил подтвердить разрешение на строительство и назначить его «осадчиком» новопостроенного городка и слобод [26, л. 662]. В связи с этим предложением валуйскому воеводе Ивану Позднякову было поручено осмотреть и описать урочища по реке Осколу ниже Валук, после чего правительство разрешило В. Бакарино строительство и заселение нового городка, который должен был стать преградой на пути татарских отрядов при переправе через реку, а также для охраны проезда из «украинных» городов в Царев-Борисов и Тор к соляным варницам [26, л. 664]. Из отписки чугуевского воеводы в Белгород известно, что уже на следующее лето 1668 года под Двуречный городок приходили татары, а осенью – воровские черкасы [3, с. 370]. Сильному разорению подвергся городок во время татарского набега в июле 1678 года, когда были выжжены все пригородные слободы и большинство жителей угнано в плен [228, л. 110]. В 1680 году в Двуречной насчитывалось только 54 семьи русских и черкас [28, л. 110], а через три года росписной список называет только 48 человек жителей [1, с. 126]. Укрепления Двуречного городка представляли собой острог с пятью башнями и одними проезжими воротами со стороны речек Двуречных [1, с. 126]. Вокруг острога выкопан и обставлен дубовыми кольями ров, а со стороны Купянска построена стена «новым всяким лесом». В росписном списке отмечено, что острог и башни «огнили и обвалялись» [1, с. 126]. На вооружении городка имелась одна пушка и две затинные пищали [12, л. 814 об].

Осиновский перелаз, располагавшийся ниже Двуречной по Осколу, обращал на себя внимание досмотрщиков тем обстоятельством, что с крымской стороны реки находилась гора и Осиновый лог. На горе было предложено сделать караульный острожек, а на самом перелазе «пристойно быть городу жилому» [28, л. 96]. Несмотря на то, что по обеим берегам Оскола прилегал безлесная степь, досмотренное место признано пригодным для поселения ввиду того, что вокруг были «привольные уголья» [28, л. 96].

В том же 1675/1676 году, когда Е. Зиновьев досматривал местность по реке Оскол, черкашенин Иван Трофимов получил распоряжение из Курска от боярина Г. Г. Ромодановского на строительство слободы на

Осиновом перелазе и призыв в нее жителей из малороссийских городов [28, л. 96]. Однако указанное место оказалось неудобным для поселения ввиду частых татарских нападений. В следующем, 1677 году, Иван Трофимов в своем письме к Аверкию Апухтину просил разрешить построить слободу выше по течению Оскола возле устья реки Купинки [28, л. 96]. Новопостроенный городок (современный город Купянск в Харьковской области), который в ранних документах именуется то Купецким, то Чудным, располагался на правом берегу Оскола между Осиновым и Калиновым бродом на горе над озером [14, л. 1047]. Укрепления городка в 1683/1684 году состояли из острога с одними проезжими воротами. Протяженность острожных стен достигала приблизительно 175 м. С правой стороны реки Оскола располагался посад и 420 м надолбов. В остроге не было ни тайника, ни колодца, а вокруг острога даже не был выкопан ров [13, л. 973]. В остроге имелось 2 затинных железных пищали, однако ядра к ним отсутствовали [13, лл. 973-973 об.]. В 1683/1684 году в Купецком значится 48 черкас городской службы во главе с атаманом Иваном Поповым [13, л. 973 об.].

Интересно, что по переписной книге Купецкого харьковского полковника Григория Донца, ставшей основой частью годовой сметной книги городов ведавшихся Белгородским столом 1686/1687 года, протяженность острожных стен городка равнялась 137 м [14, л. 1047]. Ров, глубиной 4 м и шириной 3 м, был выкопан только в 1690-е годы [16, л. 898]. В городке имелись 3 наугольных и одна проезжая башня, а около посада отмечены «заборы в столбы разного лесу», т.е. надолбы, общей протяженностью 1040 м. В полевых крепостях было сооружено двое проезжих ворот шириной по 4,5 м [14, л. 1047]. Существовала в Купецком к этому времени и церковь – во имя Покрова Пресвятой Богородицы [14, л. 1047 об.]. В городке проживало около 110 человек [14, л. 1050].

Обращают на себя внимание оттопонимные фамилии некоторых жителей Купецкого, известных по росписи 1683/1684 года – Морховской, Рылской, Белогородец, Лебединец, Балыклейской [13, лл. 973об-975]. Купецкий сотник Андрей Иванов в разных документах назван по-разному. Сам себя он именуется Берестецким [15, лл. 649-650], а переписная книга полковника Григория Донца называет его Ляховенком [14, л. 1047об.]. Приведенные фамилии имеют географическое происхождение и среди всех фамилий являются наиболее биографичными. В своем большинстве они позволяют изучить в той или иной мере происхождение их носителей и их перемещение в переселенческих потоках. При более тщательном изучении архивных фондов можно установить места проживания купецких черкас до их поселения на реке Оскол.

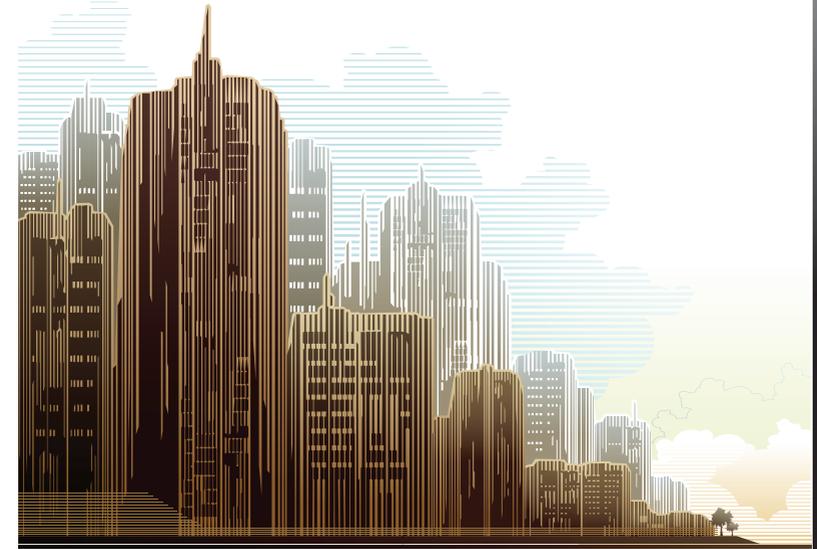
Таким образом, на протяжении всего XVII века Российское

государство уделяло особое внимание южным рубежам страны. Постоянные набеги татар и черкас, а затем войны с Османской империей и Крымским ханством, требовали сочетания мощных крепостей, укрепленных линий большой протяженности и постоянного присутствия воинских контингентов. Среднее Поосколье играло одну из ключевых ролей в системе построения обороны южного порубежья. Однако значительная отдаленность от крупных городов, наличие большого количества татарских перелазов через реку Оскол и малонаселенность делала эти территории уязвимыми для татарских набегов. Наиболее укрепленным пунктом этого участка будущей Изюмской черты была Валуйская крепость со своими городскими и пригородными укреплениями. В конце 70-х годов XVII века Валуйка явилась одним из отправных пунктов строительства Новой засечной черты на участке между Царевом-Борисовым и Полатовым. Большая часть пригородных и полевых валуйских укреплений стали частью новопостроенной черты. Те же укрепления, которые находились к западу от города, в черту не вошли и постепенно утратили свое первоначальное значение. Территория, которая контролировалась военными силами Валуйской крепости в рассматриваемый период начала активно заселяться благодаря правительственным мероприятиям по укреплению южных границ государства. Инициатива строительства новых городков и слобод по реке Оскол исходила, в своем большинстве, от служилых черкас южнорусских городов. Находя поддержку в лице государства, черкасское население порубежья стало основной составляющей колонизационного потока последней четверти XVII века. В начале XVIII века вокруг Валук, благодаря внутренней колонизационной деятельности жителей крепости, начал складываться уезд. По данным переписи Валуйского уезда 1722 года в более чем тридцати селах проживало около 10 тысяч служилых людей.

Литература

1. *Багалей, Д. И.* Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губернии / Д. И. Багалей. – Х., 1886.
2. *Багалей, Д. И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства / Д. И. Багалей. – М., 1887.
3. *Гумилевский, Д. Г.* (Филарет) Историко-статистическое описание Харьковской епархии / Д. Г. Гумилевский (Филарет). В 3 т. – Х., 2005. – Т. 2.
4. *Загоровский, В. П.* Изюмская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1980.

5. *Загоровский, В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1991.
6. *Зенченко, М. Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – в н. XVII вв.: (опыт государственного строительства) / М. Ю. Зенченко. – М., 2004.
7. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний: собранные и изданные секретарем Воронежского губернского статистического комитета Л. Б. Вейнбергом. – Воронеж, 1886. – Вып. 10. Валуйские документы.
8. *Миклашевский, И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства / И. Н. Миклашевский. – М., 1894. – Ч.1.
9. *Папков, А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века) / А. И. Папков. – Белгород, 2004.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – 210. Книги Белгородского стола. – Д. 18.
11. РГАДА. – Ф. 210. Книги Белгородского стола. – Д. 94.
12. РГАДА. – Ф. 210. Книги Белгородского стола. – Д. 117.
13. РГАДА. – Ф. 210. Книги Белгородского стола. – Д. 124. – Ч. 3.
14. РГАДА. – Ф. 210. Книги Белгородского стола. – Д. 147.
15. РГАДА. – Ф. 210. Книги Белгородского стола. – Д. 154.
16. РГАДА. – Ф. 210. Книги Белгородского стола. – Д. 168. – Ч. 2.
17. РГАДА. – Ф. 1209. Поместный приказ. Географические чертежи из столбцов Поместного приказа. – Оп. 77. Столбец. 34699.
18. РГАДА. – Ф. 210. Разрядный приказ. Дела разных городов. – Д. 17.
19. РГАДА. – Ф. 210. Разрядный приказ. Дела разных городов. – Д. 22.
20. РГАДА. – Ф. 210. Разрядный приказ. Дела разных городов. – Д. 95.
21. РГАДА. – Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 25.
22. РГАДА. – Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 53.
23. РГАДА. – Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 70.
24. РГАДА. – Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 74.
25. РГАДА. – Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 114.
26. РГАДА. – Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 599.
27. РГАДА. – Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 827.
28. РГАДА. – Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. – Д. 1530.
29. *Слюсарский, А. Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII-XVIII вв. / А. Г. Слюсарский. – Х., 1964.
30. Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. В 4 т. – Т. 1. – М., 1991.

Історія міжнародних відносин